СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

26 июня 1981 г. № 51 (5475)

На соискание Государственной премии СССР

ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

Закономерно, что на подступах к VII всесоюзному форуму советских писателей на страницах наших литературных еженедельников, «толстых» и «тонких» журналов, в партийной печати с нарастающей заинтересованностью продолжается разговор о состоянии нашей сегодняшней прозы, критики и поэзии.

Я не намерен что-то и кому-то доказывать, а тем более пытаться обобщать. Разговор мой, в общем-то, по частному поводу. Но повод этот, думается мне, отнюдь не лишнее свидетельство в ответ на запальчивость тех, кто утверждал и продолжает настаивать в ходе дискуссии, что русская поэзия в предсъездовский период работала-де без никаких взлетов, вполсилы, что она якобы отставала и от художественной прозы, и от публицистики, и даже чуть не от самой литературной критики. По-хозяйски ли это? И суждения, и прогнозы высказывались чаще всего с кивком в сторону то бывшего взлета «эстрадной поэзии», время которой якобы и вовсе отшумело, то в сторону размежевавшихся по индивидуальностям представителей чуть ли не отошедшей в прошлое «тихой» лирики.

Странная забывчивость!

Словно ничего, кроме «шума и тишины», и не существовало вовсе. А ведь рука об руку и с «поэтами эстрады», и «тихими» лириками работали в это время и продолжают делать свое дело и просто поэты.

Вот вышла в свет в издательстве «Молодая гвардия» новая книга лирических стихотворений поэта-фронтовика Михаила Дудина «Дерево для аиста». Создавалась и публиковалась она в периодике циклами и подборками как раз в семидесятые годы — без суеты, без претензий, без желания выломиться из ряда вон.

Великой человеческой мудростью и любовью ко всему живому на земле, горькой тихой печалью и радостью, святой верой в наши коммунистические идеалы отмечены ее страницы. Не могу не процитировать строки из ключевого, замкового стихотворения, которым открывается однотомник:

О жизнь! Твой голос
не умолк,
он стар, как мир, и молод
вновь,
как откровение и долг
в самом биенье юной
крови.
И все живущее родней.
И прошлое с грядущим
схоже.
А радость! Чем она трудней,
тем превосходней и дороже.

Вот и дымятся кровью строки, пришедшие к поэту и через много-много лет после огненных ночей полуострова Ханко, ленинградской блокады, сыпучих снегов Карельского перешейка. А родились они на Северном полюсе, куда сбежал поэт в канун своего 60-летия и где

Звезда Полярная в зените
и сон седого льда глубок,
и всех судеб нагие нити
переплелись в один клубок...

Суровую зиму тридцать девятого-сорокового годов мне довелось сквозь смерть пройти с М. Дудиным в одном стрелковом полку. Худющий и неунывающий, он поддерживал всех, как только мог и останным сухарем, и последней щепоткой махорки, а то и просто солдатской прибауткой. А присловий всяких знал он уже и тогда видимо-невидимо, а скорей всего — сам сочинял походя. Помнится, была и такая: «Коль от пули не помрем — и на Полюсе споем!» Вон еще когда торчал-таки в подсознании этот самый пуп Земли! Где и «торосы вроде дотов». И сам собою перекинулся мостик из сегодня во вчера в «Письме с Полюса» бывшему командиру взвода:

Василий Федорович!.. Полюс
жил на войне в моей груди,
как тайна тайн, как некий
полис
прекрасных странствий
впереди...
И, притираясь без разлада,
переплелись в полярной
мгле
Гангут и доблесть
Ленинграда
с защитой жизни на Земле.

Вдосталь хвативший лиха солдат, за спиною которого две войны, председатель Ленинградского областного отделения Советского комитета защиты мира, Герой Социалистического Труда, доброй и светлой души человек, истинный гуманист нашел слова, чтобы укрепить нашу веру в добро и справедливость, окрылить личную ответственность каждого за жизнь на земле.

Удивительно органично, как глава в единое повествование, вписались в книгу стихи о войне, о существовании которых едва ли помнил и сам поэт. Во всяком случае, наверное, мало верил в то, что стихи когда-либо объявятся, заявят о себе. Мало ли всего пропало на войне! И на переднем крае, и в блокаде. Даже о людях — однополчанах своих после долгих и горестных раздумий все-таки приходилось писать в извещениях: «Пропал без вести...» О стихах ли беспокоиться!

По памяти восстанавливал рукопись своей первой книги Михаил Луконин, поскольку ушли его стихи на темное дно вместе с солдатской котомкой, когда поэт прорывался вместе с другими из окружения.

Нам повезло, что «Забытая тетрадь» Дудина не пропала, не затерялась, не была пущена на самокрутки. Пусть через тридцать пять лет, но дошла до нас! Стихи, сложенные Дудиным в блокадном Ленинграде, сохранил благородной души человек — Д. М. Рура. В книге «Дерево для аиста» они идут «Частью девятой» однотомника. Строки их обжигают сердце и перехватывают дыхание. Они как точка отсчета, с которой начиналась поэзия Дудина — поэзия мужества, гражданской справедливости, добра и правды.

Креп, набирал силу голос, но интонация не ломалась. Поэт не шарахался под напором всяких новаций, порой просто перелицованных из старья. Они никогда не занимали его! Поэт словно родился уже с поставленным голосом.

Работая в классических традициях, он всегда понимал, что

Нельзя дышать одним
стихом
и заниматься голой
школой...—

и обогащал, развивал традиции русского стиха в «святой естественности слов», соотнося строку с дыханием жизни.

Упругой смысловой наполненностью, эмоциональным напором, ладностью, не боюсь сказать—пушкинской ясностью и красотой отмечены стихи, вошедшие в разделы-циклы «Седое сердце» и «Дерево для аиста».

Много в этих разделах стихов печальных, даже прощальных, подводящих черту подо всем, что было и что останется навсегда. Стихов, посвященных памяти товарищей и по войне, и по перу—Н. С. Тихонова, Я. В. Смелякова, С. С. Орлова, М. К. Луконина, П. Г. Антокольского, пронзительных стихотворений о матери, которая умерла в ранней молодости, а потому и не выцветут для сына никогда самые синие на земле «васильки ее глаз».

Кроме полюса, побывал поэт и в Португалии (раздел «Западный берег»), и во многих других краях, и все это оставило в сердце воистину памятные, необходимые всем заметы в этом все усложняющемся мире, потому что и в пути, и в чужих краях все согласовывалось только с сердцем.

Неоднократно наезжал поэт в эти годы и на свою малую родину — в крохотную деревеньку Клевнево, что на Молохте-реке. И вновь стояли мы с ним под его родной сосной, от которой тринадцатилетним мальчиком уходил он в самостоятельную жизнь.

Я радуюсь вместе со всеми, кому посчастливилось приобрести «Дерево для аиста». На мой взгляд, это лучшая поэтическая книга минувшего года. И справедливость состоится, если новые циклы стихотворений: «Седое сердце», «Дерево для аиста», «Полярный круг», «Западный берег», «Забытая тетрадь», вошедшие в нее, каждый из которых мог бы претендовать и на отдельное издание, но вышел в свет в органической слитности с предыдущей книгой поэта — «Татарником», будут по достоинству оценены Комитетом по Государственным премиям СССР. Ведь по самой природе дарования лирический поэт всю свою жизнь пишет свою одну-единственную книгу.

Владимир ЖУКОВ.

ИВАНОВО.